

Read A. W. Words Crisscrossing the Sea: How Words Have Been Borrowed between England and America // American Speech, 2005. Vol. 80, no. 2, Summer : by the American Dialect Society. P. 115–134.

Rush R. Memoranda of a Residence at the Court of London, 2nd ed. Philadelphia, 1833. 640 p.

Saxena M., Omoniyi T. Contending with Globalization in World Englishes. Bristol, 2010. 238 p.

Seward W. H. Autobiography of William H. Seward, from 1801 to 1834: With a Memoir of His Life, and Selections from His Letters from 1831 to 1846 / ed. F. W. Seward. N. Y., 1877. 832 p.

Smith P. A People's History of the United States. Vol. 4. N. Y., 1984. 1231 p.

Webster N. Dissertation on the English Language: With Notes, Historical and Critical, to Which is Added, by Way of Appendix, an Essay on a Reformed Mode of Spelling, with Dr. Franklin's Arguments on That Subject. Boston, 1789. URL: <http://www.unz.org/Pub/WebsterNoah-1789> (дата обращения: 17.04.2012).

Статья поступила в редакцию 14.04.2012 г.

УДК 821.111-1 + 82.09

В. И. Бортников

КАТЕГОРИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ПОЭМЕ ДЖ. МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ

Анализируется категория текстового пространства с позиции вероятности обнаружения ее репрезентаций (контент-анализа). Материалом исследования является первый перевод поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» на русский язык (В. П. Петров, 1777). Даются возможные интерпретации контент-анализа в аспектах истории русского литературного языка и сопоставительного переводоведения.

Ключевые слова: история перевода; контент-анализ художественного текста; Мильтон; «Потерянный рай»; структурная лингвистика; текстовая категория.

Проникновение новых методик точного и вероятностного исследования в отечественную филологию, в том числе и так называемого контент-анализа, соотносится со стремлением ученых «ответить на вопрос... что позволяет произведению выделяться из остальных предметов нашего опыта и служить источником эстетического переживания» [Зобов, Мостепаненко, с. 11]. В поисках этой уникальности художественного текста структурная поэтика уходила к поиску так называемого инварианта — «идеального конструкта, которому присвоены значения тех или иных букв» [Лотман, с. 33]. Каждый языковой уровень представлял возможность выделить свой инвариант, который посредством разных кодов (язык-инструмент) входил в разные речевые сообщения.

Контент-анализ, исторически не связанный со структурной семантикой, схож с ней в плане опоры на языковой уровень, но определяет соответствующую принадлежность единицы текста только по формальному критерию. Интересуясь, «сколько раз признак проявился в тексте» [см.: Аверьянов, с. 11], исследователь вычерчивает уникальный линейный «рисунок» соответствующих

репрезентаций. Тем самым к индивидуально-текстовым чертам [см.: Мухин, с. 16] применяется объективированный подход, с одной стороны лишенный гипотетических инвариантов и субъективных интерпретаций символов, тропов и т. д., с другой — позволяющий указать на тот идиостилевой фон, который при углублении в структуру текста часто оставался «за кадром» исследования.

В применении предлагаемой методики к переводному тексту обнаруживается еще одна прогрессивная черта — различение голосов поэта и переводчика. Внешняя (формальная) сторона анализа позволяет обнаружить не только переводческие «изгибы» относительно исходного текста, но и «стилевое лицо» [см.: Эйдинова, с. 4] самого переводчика. Мы намеренно возьмем для анализа перевод 1777 г. поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай», известный одиозной фигурой его создателя — В. П. Петрова [см.: Благой, с. 71, 72, 90] с целью проверить состоятельность контент-анализа для доказательства уникальности переводного текста.

Последняя треть XVIII в. в истории русского литературного языка, так называемый Екатерининский век, характеризуется отношением к стилевому делению на «высокое», «среднее» и «низкое» (как это предложил М. В. Ломоносов во второй трети века) как к архаическому пережитку [см.: Мещерский, с. 166]. Смешение «штилей» было лишь одним из путей проявления авторской индивидуальности. Иной путь — обратиться к переводу и при этом выбрать текст-оригинал, написанный не в XVIII в. и не в эпоху Античности (периодов уже «перекопанных» переводчиками ломоносовской поры). Одним из таких «нескольких вкраплений» (английской литературы. — В. Б.) века предыдущего [см.: Архангельский, с. 11] стал исследуемый перевод «Потерянного рая», опубликованный ровно через 110 лет после появления английского оригинала Дж. Мильтона.

Издание 1777 г., сохранившееся, в частности, в фонде Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), открывается вступлением к поэме:

Первое преслушание человека, и плод онаго запрещенного дерева, которого тлетворное вкушение внесло смерть во мір, и все наши бедствия, со потерянiem Едема, дондеже Богочеловек, возставив нас, возвратил блаженное жилище, воспой небесная Муза, яже на священном веръхе Хорива или Синая водохновила онаго пастыря, который первый научил избранное семя, како в начале небо и земля возникли из безды; или, естьли паче угоден тебе Сионский холм и Силоамский поток протекавший близ прорекалища божия; оттоле призываю тя в помощь моей дерзновенной песни, которая необычайным полетом устремляется воспарить выше Аонийских горы, предприемля дела неприкосновенные поныне ни вольным ни во стопы заключенным слогом [Мильтон, 1777, с. 1]¹.

¹ Условия передачи текста 1777 г.: 1) в графике нами заменяются: ъ («ять») на е, і на и (кроме смыслоразличительного mir). Буква ъ в позиции конца слова не передается. Написания веръхе, Едема, естьли, первый и им подобные иных изменений не претерпели; 2) морфологических замен не производилось (в частности, сохраняются окончания -аго, -ыя, -ия, формы яже, водохновила, тя, слова типа дондеже, како и пр.); 3) пунктуационное оформление приводится по изданию: [Мильтон, 1777]. По этим же условиям оформляются примеры из данного текста, в т. ч. в таблицах, в данной статье.

«Век переводческих предисловий» [см.: Семенец, Панасьев, с. 187] здесь отражается в предисловии поэтическом, весьма обширном (I, ст. 1–35 перевода). Намеренное возвышение текста (лексемы *предприемля, восставив, потерянье*), архаизация в русле старославянизмов (*тя, Аонийские горы, яже, дондеже*) — черты перевода, очевидные и без подробного исследования. В общем виде их можно считать отголосками второй и первой трети XVIII столетия соответственно: «высокий стиль» оказывается наложен на диглоссию церковнославянского и русского языков. «Книжность», намеренная архаика — эффекты употребления именно церковнославянских единиц (ср. то же *потерянье*).

Такая общая стилистическая характеристика не только лишает конкретности анализ текста, но и обесцвечивает сам текст. Значительно более точный материал — любая текстовая категория, которая, по гипотезе Т. В. Матвеевой, «характеризуется функционально-стилевыми модификациями» [Матвеева, с. 15]. В данной статье рассматривается преломление одной из категорий, а именно локативности, в зеркале контент-анализа.

Геометрия вещи, представляемая, по В. Топорову, как «составность, расчлененность, композиция» [Топоров, с. 28], может определяться и относительно отведенного тому или иному объекту пространства. Вглядываясь в возможное калькирование латинского *compositio* на русский язык как составность (далекое от расчлененности как минимум по степени этой самой расчлененности), исследователь представляет себе некое число частиц, слагающих некую форму для составления вещи. Возникает тонкость в различении составности и композиции. Найти текст, где речь о слагающих объект элементах идет изолированно от пространственного размещения этих элементов и объекта в целом, не представляется задачей решаемой: в том и сущность расчленения, чтобы получить состав и суммарную композицию. Так, в приведенном выше фрагменте вступления к «Потерянному раю» внутри *mira* выделяются вершины *Хорива, Синая, Аонийские горы*. Расчленяется ли мир при этом? Да, ибо мы в результате получаем некоторые составные части. Дают ли эти части в сумме мир? Нет, потому что в противном случае лексема *мир* была бы поставлена в отношения меронимии с бесконечным набором частей: всякий раз что-нибудь оказалось бы не названо. При этом размещение указанных вершин есть все равно некая сумма, но неполная, точно указывающая не на итог, а на соположение слагаемых (места денотируемых топонимами объектов так или иначе точно определены).

Под составностью мы понимаем отдельные объекты (компоненты пространства), отдельные точки на карте художественного мира. К композиции же вещи (принципиально отличной от композиции как текстовой категории!) мы отнесем лексемы, обозначающие размещение ее относительно других вещей. Расчлененность как третья составляющая пространства у В. Н. Топорова — итог авторского расчленения, деления на объекты. Накладывая это свойство на фабулу текста, мы утверждаем, что членить пространство должен одушевленный субъект (герой). Если герой не наделен прямой речью (а во вступлении к поэме говорящий не передает, так сказать, микрофона никому), это членение

выражается в перемещениях между объектами: я осознаю, что передо мной объекты разные, и осуществляю движение от одного к другому.

Составность как часть неподвижная, как каждая ступенька в постижении расчленения-перемещения и композиции-размещения представляется нам наиболее явно связующей формальной (графически застывшую) и семантическую стороны текстового пространства. На составности (составленности текста из более мелких единиц) автор настоящей статьи строит предположение, что можно создать некую условную запись фрагмента, которая, обладая собственной, формализованной, локативной структурой, будет отражать линейное развитие описываемого текстом пространства. Мы не ставим цели построить дерево (от мира к горе 1, 2, 3 и т. д.) — наша задача состоит в предложении варианта кодирования, который позволил бы увидеть состав художественного пространства по заданному параметру. Объект изыскания следует обозначать как категорию локативности, а не просто «художественное пространство», поскольку локативность вбирает в себя формально выстраиваемые кодом единицы и в итоге дает категориальное обобщение [см.: Матвеева, с. 151 и послед.].

Противополагая контент-анализ структуральной поэтике, будем говорить не о бинарной, а о тройственной (в теории логики — «тернарной») оппозиции составность — расчлененность — композиция (в виде компоненты места — перемещения — размещения/расположения). Базис такой оппозиции дает нам основание для разделения всех единиц, презентирующих категорию локативности, на три группы: 1) компоненты места, 2) перемещение, 3) размещение. Присвоим каждому из них условные индексы 1, 2, 3 соответственно. Это первый шаг кодировочной инструкции [см.: Богомолова, Стефаненко, с. 33]. Для построения контента в форме таблицы (по Л. Аверьянову, «искусственного текста») нужен второй шаг — поиск и задание второго параметра кодирования. В соответствии с каноном эпической поэмы в начале вступления адресат обращения — Муза. Рассмотрим, к кому еще обращается поэт:

Но наипаче Ты, о Душа! иже всем храмам предпочитаеш правое и чистое сердце, вразуми мя; ибо ты веси; ты исперьва был присущъ, и наподобие голубя разпростерши могущественная крыла носился над неизмеримой бездною, согревая оную, и творя многоплодну: просвети мрак души моей, возвыси мой ниский талант и поддержи; да по достоинству сего великаго вещесловия возмогу защитить вечное пророчество, и оправдиши пути Господни пред человечи.

Повеждь перъвее, (ибо ничтоже от Тебя сокровенно горе, ничто во глубинах ада,) повеждь, кая причина побудила наших прародителей, во оном блаженном состоянии, толико ущедренных Небом, отпасть от своего творца и преступити волю его во единой заповеди, совершенных в прочем обладателей света? Кто перъвый преклонил их к сему срамному возмущению? [Мильтон, 1777, с. 1–2].

Вторым адресатом, к которому обращается поэт с просьбой о творческой энергии, становится Святой Дух, после чего во вступлении проявляется фабульный элемент, согласуемый с заглавием всего произведения. Сами о себе прародители рассказывать не станут, ибо они не равны Музе и Духу. Последние занимают бахтинскую позицию «вненаходимости» [см.: Бахтин, с. 15] вместе с поэтом; прародители же суть «внутринаходимые» персонажи. Поэто-

му присвоить индексы 1, 2, 3, как мы это сделали перед тем применительно к разным «геометриям», здесь не получится. Пусть всякий поэтический ресурс (Муза, Святой Дух) получает индекс 1, а всякий герой — индекс 2. Тогда разновидность Музы станет выглядеть как 10, а ресурс Духа — 11 (подчиненные индексы 0, 1, 2, ... добавляются справа от основного) (табл. 1).

Таблица 1 *

Функциональная семантика места	Субъект		
	Вненаходимый (1)		Внутринаходимый (2)
	Муза (10)	Святой Дух (11)	Праородители (20)
Состав места (1)	101	111	201
Перемещение (2)	102	112	202
Размещение (3)	103	113	203

* Номер каждой ячейки получается путем соединения в трехзначное число двух цифр столбца и цифры с номером строки. Столбцу 2 присвоен условный индекс 20 из расчета, что в дальнейших фрагментах песни первой появятся другие субъекты-герои (21, 22, 23 и т. д.).

Но сказать, что все место однородно по своему составу, значит противоречить той очевидности, что в состав *mīra* входят *горы, потоки, холмы* (Муза) наравне с *бездной* (Муза, I, 10, и Св. Дух, I, 22)². Это означает, что и состав (строка 1) требует разделения на функциональные подклассы (10, 11, 12, ...) [см.: Холодович, с. 35]. Чтобы не осложнять таблицу подклассами перемещения и размещения, мы проведем контент-анализ по трем «геометриям» в отдельности, после чего сопоставим доминанты всех трех строк табл. 1.

А. Контент-анализ состава места. Выпишем контент «состава места» безотносительно к действующим лицам: *Едема — жилище — веръхе — Хорива — Синая — небо — земля — из бездны — Сионский холм — Силоамский поток — прорекалища Божия — Аонийская горы — храмам — над бездною — путь.*

Обозначаемые в контенте тематические группы сводятся к следующему списку: 1) топосы (все топонимы, включая и те, где второй член — категориальный определитель: *холм, поток, гора*); 2) место-источник действия (*из бездны*) и цель действия (*над бездною* — с целью ее оплодотворения, см. I, 23); 3) часть локуса (*веръхе*); 4) прочие места-образы.

В методологии контент-анализа принято присваивать ячейкам, помимо числового, еще и буквенный индекс. В соответствии с типологией текстовых категорий, по Т. В. Матвеевой, «выделяются три разновидности: линейные, полевые и объемные» [Матвеева, с. 16]. Поставим им в соответствие индексы А, Б, В, тогда категория локативности получит индекс Б (как полевая). Контент-таблица составности в общем виде показана в табл. 2.

² Римская цифра означает номер песни, арабская — номер строки по изд.: [Мильтон, 1777]. Комбинация римских и арабских чисел не позволяет путать их с номерами ячеек, ср.: I, 22 и Б22.

Таблица 2

Состав места	Субъект		
	Вненаходимый (1)		Внутринаходимый (2)
	Муза (10)	Святой Дух (11)	Прародители (20)
Топос (10)	Б1010	Б1110	Б2010
Место-источник действия и цель действия (11)	Б1011	Б1111	Б2011
Часть локуса (12)	Б1012	Б1112	Б2012
Прочие места-образы (13)	Б1013	Б1113	Б2013

Множества единиц, входящих в ячейки, будем записывать в фигурных скобках, как это принято в математике. Сумму всех единиц каждого множества запишем после скобок:

Б1010 = {Едем, Хорив, Синай, Сионский холм, Силоамский поток, Аонийская гора} = 6;

Б1011 = {бездна} = 1;

Б1012 = {верьхе} = 1;

Б1013 = {жилище, небо, земля, прорекалище божие} = 4;

Б1111 = {бездна} = 1;

Б1113 = {храмы; пути} = 2.

Множества ячеек Б1110, Б1112, Б2010, Б2011, Б2012, Б2013 нулевые.

Таким образом, наиболее мощные ячейки (где мощность равна 6 и 4) соответствуют с Музой, это $10/15 = 0,667$, т. е. ? всех «составных» лексем. Наиболее пространственно дистинктивной предстает вненаходимый герой 10; внутренняя карта *мира* ориентирована на *Музу*. Заметим, столбец 20 (прародители) не содержит вообще ни одного «составного» проявления.

В линейной записи контент выглядит так:

Б1010 – Б1013 – Б1012 – Б1010 – Б1010 – Б1013 – Б1013 – Б1011 – Б1010 – Б1010 – Б1013 – Б1010 – Б1113 – Б1111 – Б1113.

Несложно увидеть, что звенья с исходами на –10 и –13 (т. е. «топосы» и «места-образы») чередуются либо один через один, либо пара через пару. Это чередование можно определить только через линейную запись: фигурные скобки позволяют просуммировать звенья каждого вида, но не говорят ничего о расположении последних. С другой стороны, одинаковые звенья в цепи (случаи типа Б1010 – Б1010 – ...), вероятно, можно записывать как (Б1010*2), что не исказит чередования разных элементов цепочки.

Приведенная цепочка показывает и смещение действующего лица от 10 к 11 в ходе повествования. Это означает, что Муза наделена строго отдельным от Святого Духа пространством, причем у нее локативная составность явно разнообразнее (топонимический и меронимический компоненты с исходами на –10 и –12 соответственно у Духа, напомним, не представлены).

Наши рассуждения еще раз иллюстрируют и связь строчек со столбцами в контент-таблице, а в каждом коде – связь между первой и второй парами цифр.

Б. Контент-анализ перемещения. Для выявления тематических групп рассмотрим весь относящийся к семантике расчленения-перемещения контент: *внесло — возставил — протекавший — полетом — устремляется воспарить — возвыси — преступити — отпасть от — преклонил*.

Перемещение имеет в сегменте вступления (ст. 1–33 оригинала [Milton, 2004: с. 136–137]) следующие тематические разновидности:

- 1) перемещение вовнутрь (безотносительно к вертикали/горизонтали);
- 2) движение вверх;
- 3) движение вниз;
- 4) горизонтальное перемещение.

Набор групп образует бинарную оппозицию 1 x 2, 3, 4; при этом оппозиция вертикали и горизонтали предполагает вид 2, 3 x 4; но далее на оси вертикали возникает оппозиция 2 x 3. Такой строгостью бинарного деления структура локативного состава не обладала, хотя и можно было обнаружить оппозиции типа «часть — целое» (табл. 3).

Таблица 3

Вид перемещения	Субъект		
	Вненаходимый (1)		Внутринаходимый (2)
	Муза (10)	Святой Дух (11)	Прародители (20)
Перемещение вовнутрь (20)	Б1020	Б1120	Б2020
Движение вверх (21)	Б1021	Б1121	Б2021
Движение вниз (22)	Б1022	Б1122	Б2022
Горизонтальное перемещение (23)	Б1023	Б1123	Б2023

Согласно прежнему принципу записи,
 Б1021 = {восставил, устремляется воспарить} = 2;
 Б1023 = {протекавший, полетом} = 2;
 Б1121 = {возвыси} = 1;
 Б2020 = {внесло} = 1;
 Б2022 = {преклонил, отпасть от} = 2;
 Б2023 = {преступити} = 1.

Даже если внести эти единицы в соответствующие ячейки таблицы, станет видно, что абсолютной доминанты два параметра (функциональная семантика перемещения и субъект перемещения) не дают (табл. 4).

Заполненными оказались только половина (6 из 12) ячеек, причем половина приходится на прародителей, а значит, на фабульный компонент перемещения. Важно, что первая ячейка (Б2020) структурно относится именно к Адаму и Еве: им принадлежит вкушение плода и внесение смерти *во мир*. Через это же действие осуществляется связь перемещений с составностью места во вступлении: (Чего же в *мире* коснулась смерть? Гор, холмов, потоков и т. д.)

Таблица 4

Вид перемещения	Субъект		
	Вненаходимый (1)		Внутринаходимый (2)
	Муза (10)	Святой Дух (11)	Прародители (20)
Перемещение вовнутрь (20)			<i>внесло</i>
Движение вверх (21)	<i>возставив устремляется воспарить</i>	<i>возвыси</i>	
Движение вниз (22)			<i>преклонил отпасть от</i>
Горизонтальное перемещение (23)	<i>протекавший, полетом</i>		<i>преступити</i>

И количественно прародители начинают доминировать (4 из 9 единиц наряду с 4 единицами у Музы). При этом Муза не совершает ни одного из этих действий, она их только воспеваёт. Но действия прародителей также должны быть воспеты либо Музой, либо Святым Духом — и, по сути, так и происходит: ячейки Б2022 и Б2023 в аспекте вненаходимости принадлежат Духу, а ячейка Б2020 — Музе. Абсолют внефабульной мощности двух «сопевцов» аксиоматичен; но по соотношению 4/9 обнаруживается фабульная мощность перемещений прародителей! Если к этим единицам добавить пятую (*восставив*) — действие Богочеловека, человеческий фактор в субкатегории субъектности перемещения выходит на первое место.

В. Контент-анализ расположения. Переходим к ячейкам строки 3. Линейный контент (в некоторых терминологиях — «искусственный текст» [см.: Аверьянов, с. 35]) семантики расположения таков: *близ — оттоле — превыше — неприкосновенные — неизмеримой — низкий — пути пред (человеки) — горé — во глубинах ада — в состоянии.*

В понятие «расположение» попадают единицы настолько разные по морфологической природе, что, сколько бы мы ни говорили о категориальной единице вне ее принадлежности к языковому уровню, приходится учитывать соносительную семантику тех единиц, которые располагают либо соединяют в пространстве одни объекты (из группы состава) с другими.

Тем самым в группу 33 «носительное расположение» попадают лексемы *близ, оттоле, превыше, пути пред*. При этом относительность присуща и семантике «пространственного качества» (31 — *низкий, горé, во глубинах ада*). Отдельно имеются «минус-качества» *неизмеримый, неприкосновенные* (аналогично паре 21—22 присвоим им номер 32). Считаем основанием для различия пар 33 и 31, 33 и 32 неспособность единиц в группе 33 обозначать признак одного объекта (для полного функционального заполнения валентностей им требуется либо больше одного объекта, либо ни одного).

Наконец, семантика отдельного качества — *в состоянии* — определяется контекстом. Ср.:

...повеждь, кая причина побудила наших прародителей, во оном блаженном с о -
сто яни и и, толико ущедренных Небом, отпасть от своего творца... (I, 29–32) (вы-
делено нами. — В. Б.).

Речь идет о пространстве внутреннем — о метафорически осмысленном положении в нутри состояния. По соотношению с качеством 20 «перемещение вовнутрь» резервируем номер 30 для подкласса «абстрактно-нравственное расположение».

Контент-таблица расположений в полном виде выглядит так (табл. 5).

Таблица 5*

Вид расположения	Субъект		
	Вненаходимый (1)		Внутринаходимый (2)
	Муза (10)	Святой Дух (11)	Праородители (20)
Абстрактно-нравственное (30)	Б1030 = \emptyset	Б1130 = \emptyset	Б2030 = {в состоянии}
Качество (31)	Б1031 = {превыше}	Б1131 = {ниский, горе, во глубинах ада}	Б2031 = \emptyset
Минус-качество (32)	Б1032 = {неприкосновенный}	Б1132 = {неизмеримая}	Б2032 = \emptyset
Относительное (33)	Б1033 = {близ; оттоле}	Б1133 = \emptyset	Б2033 = {пути пред}

* Символом \emptyset обозначены пустые ячейки.

При всей субъективности распределения по ячейкам семантики расположения доминанта Святого Духа (наряду с Музой) очевидна (4/10 ячеек).

Таблицами 2–5, приведенными в статье, отражаются разные формы представления контента: код с разложением на множества ниже (табл. 2); соответствие кода ячейки набору значений (табл. 3–4); полное заполнение (табл. 5). При разной заполненности строк бывает удобнее использовать разные формы такого представления.

Опыт линейной записи кода, заменяющего лексические единицы, использован только при анализе состава места (пункт А в контент-анализе), наиболее многочисленного (15 презентаций, в то время как ни перемещения, ни размещения не превышают десяти). Если смотреть не на последние две цифры (тип места), а на первые две (герой) в каждом звене линии, можно обнаружить закономерность одномоментного перехода от Музы к Святому Духу. Этот вывод вряд ли значителен в свете использования контент-анализа: смена героя видна по используемым именам собственным и без специального кодирования. Стоит отметить, что теоретики контент-анализа предпочитают цепочке таблицу [см.: Богомолова, Стефаненко, с. 33–35]: даже запись контента, обычно более крупного, нежели описанный в этой статье, измеряемого трех- и четырехзначными цифрами, нередко сразу оформляется пересечением двух параметров.

Наиболее мощная ячейка (Б1010), как было обнаружено, содержит шесть литературных топонимов. С их помощью «автор конкретизирует описываемые события, приближая описываемый мир к действительности, делая его замкнутым пространством» [Бочкова, с. 18]. Первые три топонима — односложные номинации, следующие три — двусложные со вторым компонентом родовой принадлежности (*холм, поток, гора*). Последние три топонима образованы с суффиксом принадлежности, а первые три без него. Группировки обозначаемых объектов от этого распределения не зависят: четыре топонима соотносятся с компонентом рельефа (литературные оронимы: *Хорив, Синай, Сионский холм, Аонийская гора*), один — с водоемом (*Силоамский поток*), один — с номинацией целой области. *Едем* и открывает этот ряд, что говорит о дедуктивном расположении топонимов в нем. При этом все объекты, кроме этого самого Эдема, расположены близ Иерусалима, и только *Аонийская гора* (*«Геликон»* [Мильтон, 1976, с. 24]), земной объект, удалена от прочих в Беотию (область Греции). Аония как часть Беотии также область, поэтому ряд Б11 является в некотором смысле кольцом (область — 4 объекта — область), хотя помещаемые в центр компоненты не находятся ни в структурно левой, ни в структурно правой областях.

При всей возвышенности ряда, что контекстуально отвечает возвышенности всего текста³, первые пять компонентов образуют понижающийся вертикальный ряд (*неземная область — 2 горы — холм — поток*); *Аонийская гора* противопоставлена им всем как звено ряда, переводящее вертикаль на противоположное направление повышения, т. е. образующее параболу. В дальнейших перемещениях всех героев поэмы вертикаль займет немаловажное место [см.: Бортников, с. 310], в том числе и потеря рая прародителями (переход из Эдема на землю с ее вершинами и потоками), так что и на уровне соположения топонимов поэт предвосхищает фабульное развитие.

Универсальность категории локативности представляется достаточным основанием для того, чтобы утверждать универсальность методики контент-кодирования применительно к исследованиям категорий «мягкого для интерпретации» [см.: Мурзин, Штерн, с. 65] художественного текста.

В плане историко-языковом процедура выделения контента локативности в таблицу отчасти связана с решением вопроса об уникальности литературного языка Екатерининской эпохи. Рассчитанный на читателя образованного перевод 1777 г. активно выбирает в себя книжные лексемы (на проанализированном участке текста это старославянизмы: *оттоле, горé* в значении «вверх», форма императива *возвыси*). Впрочем, категориальная «сетка» предполагает равным образом и пропуск подобного рода лексем в процессе анализа: так, пространственной семантикой не обладают единицы *толико, повеждь* («поведай»), *кая* («какая») и др. Отсюда необходимость проведения комплексного контент-анализа на комбинациях текстовых категорий — локативности, темпоральности,

³ Контекст должен быть «достаточным для определения единицы, являющейся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [см.: Торсуева, с. 238].

эмоциональности; вероятно, комбинирование кодов с разными буквами способно обеспечить и более полную картину языкового состояния переводного художественного текста заданного периода.

-
- Аверьянов Л. Я.* Контент-анализ : учеб. пособие для вузов. М., 2009. 451 с.
- Архангельский А. С.* Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань, 1897. 91 с.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 476 с.
- Благой Д. Д.* От Кантемира до наших дней : [избр. произв.] : в 2 т. 2-е изд. М., 1979. Т. 1. 552 с.
- Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г.* Контент-анализ : спецпрактикум по социальной психологии. М., 1992. 61 с.
- Бортников В. И.* Разнонаправленность движений Сатаны как перекресток вертикальных и горизонтальных перемещений в Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» // Образ провинции в русской и английской литературе : материалы XX Междунар. конф. Рос. ассоциации преподавателей англ. лит. «Литературная провинция». Екатеринбург, 2011. С. 309–311.
- Бочкова О. С.* Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики (на материале русско- и англоязычных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Саратов, 2006. 26 с.
- Зобов Р. А., Мостепаненко А. М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве : сб. ст. Л., 1974. С. 11–25.
- Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста : Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2001. 848 с.
- Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990. 172 с.
- Мещерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981. 320 с.
- Мильтон Дж.* Потерянный Рай; Стихотворения; Самсон-борец / вступ. ст. А. Аникста, коммент. И. Одаховской. М., 1976. 575 с.
- Мильтон И.* Потерянный Рай : поэма : пер. с агр. СПб., 1777. 107 с.
- Мурzin Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1990. 172 с.
- Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора : М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург, 2010. 232 с.
- Семенец О. Е., Панасьев А. Н.* История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV–XVIII вв.). Киев, 1991. 368 с.
- Топоров В. Н.* Миѳ. Ритуал. Символ. Образ : исслед. в обл. мифопоэтического : избранное. М., 1995. 625 с.
- Торсуева И. Г.* Контекст // Лингв. энцикл. слов. М., 1990. С. 238.
- Холодович А. А.* Опыт теории подклассов слов // Вопр. языкоznания, 1960. № 1. С. 32–43.
- Эйдинова В. В.* Стиль художника. Концепции стиля в литературной критике 20-х годов. М., 1991. 287 с.
- Milton J.* The English Poems / intr. and not. by L. Laurner. Chatham, Kent, 2004. 601 p.

Статья поступила в редакцию 15.04.2012 г.